Владимир Андриенко

Шут императрицы

Дело государево

Владимир Андриенко

Шут императрицы: Дело государево

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Андриенко В. А.

Шут императрицы: Дело государево / В. А. Андриенко — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Итальянский музыкант и бретёр Пьетро Мира, спасаясь от преследования за убийство на дуэли, приехал в Россию зимой 1735 года. В Петербурге он намеревался устроиться музыкантом в итальянскую капеллу императрицы. Но руководитель капеллы, всесильный при дворе сеньор Франческо Арайя возненавидел Пьетро из-за певицы Марии Дорио, которая предпочла Пьетро придворному музыканту. Дорога к музыкальной карьере для Пьетро была заказана. Однако он случайно знакомится с камергером двора Эрнестом Биреном. И тот помогает ему присоединиться к штату знаменитой кувыр-коллегии императрицы всероссийской. Так музыкант Пьетро стал шутом Анны Иоанновны…

© Андриенко В. А., 2009
© ЛитРес: Самиздат, 2009

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 18
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Владимир Андриенко
Шут императрицы: Дело государево

Глава 1
Его светлость граф Бирен, музыкант Пьетро Мира и другие.

Год 1735, Февраль, шестого дня, Санкт-Петербург.

Граф Бирен[1], особа в империи Российской не последняя, самолично переоделся в серый камзол покроя простого, без позументов и украшений разных, с обычными пуговицами роговыми, какие особы знатные на своих одеждах не нашивали. Никаких орденов и лент, никаких бриллиантов и блестящей парчи. Ботфорты простые без пряжек. Парик также простой, какие носили армии младшие офицеры, и серая треуголка блеклая. Так Бирен завсегда делал, когда хотел выйти в город самолично, без сопровождения. Не было нужды, чтобы его опознали на улицах столицы северной. Графу ведомо было, что его не слишком любят в этой стране, снегами засыпанной, на окраинах европейских и громадных просторах азийских обретавшейся.

В покоях у Бирена, что занимали целое крыло дворца императорского, завсегда тепло было, и в большом камине весело потрескивали дрова. Слуги старались угодить графу, и он ценил сию услужливость, никогда в морду им не бил кулаком, и пороть их на конюшне не приказывал, как делали иные влиятельные иностранцы на русской службе вроде Левенвольде или Остермана.

Уже пять лет Бирен жил в России, но никак не мог понять этих русских. Кто они? Герои, сами основы Европы потрясти способные, или преданные и безвольные рабы царей своих?

Вот для этого он и выходил в город. Он желал слушать, не то что пели ему льстецы придворные, но что говорят в толпе, там вне дворца, в кабаках, трактирах, на улицах и рынках.

Бирен хотел знать. Знать правду. Отчего на улицах сей страны, иногда желают ему смерти, не боясь грозный и страшный окрик «слово и дело» услышать за спиною своею, и пойти за слова свои на плаху?

Разве был он, Бирен, виноват в том, что в России страдают многие? Разве был он виноват в том, что растут недоимки по налогам и по селам рыскают команды воинские, дабы оные недоимки взыскать? Разве был он виноват, что казнокрадство и лихоимство процветали? Разве он кричит зловещее «слово и дело»? Разве он на пытки человеков обрекает и вздергивает их на дыбу? И разве ранее, до него, дыбы не было на Руси? Ведь царь Иван Васильевич, про которого ему рассказывали, лил крови много больше, чем льют её при царице Анне. Но Грозного царя любили в народе! Странные они эти русские.

Не каждому сие дано – знать правду. Граф знал, что и сама государыня не ведает того, что думают про неё. Хотя Анхен и не желала этого. Она всегда говорила ему: «Эрнест, зачем тебе лезть в то, что может тебя расстроить? Мало нас с тобой унижали ранее на Митаве? Сейчас это минулось. Чего тебе еще? Живи, дружочек. Живи и радуйся».

Но граф не токмо радоваться хотел, но и знать истину, и потому ходил в город и пил простое пиво и вино в портовых тавернах петровского Парадиза, вместе с иностранными шхиперами, приказными ярыгами, иноземными гостями, офицерами гвардии, моряками флота военного. Да мало ли с кем…

---

[1] В русской литературе он известен как Бирон. Но настоящая фамилия фаворита императрицы Анны была Бирен. Только с 1737 года он стал именоваться Бироном, после избрания его герцогом Курляндии и Семигалии.

***

Эрнест Иоганн Бирен, первый фаворит императрицы Анны, граф и обер-камергер высочайшего двора[2], был высок и статен, лицо имел приятное немного скуластое с носом орлиным тонким. Природа хорошо одарила его, и императрица всероссийская также много лет дарила его своим вниманием, от природы не отставая.

– Не нравятся мне эти твои выходы в город Эрнест, – пробормотал по-немецки банкир Лейба Либман, доверенный человек графа.

Лейба, низкорослый и узкоплечий митавский еврей, развалился в высоком кресле и протянул свои ноги к огню. Он любил в этой жизни только деньги, но к Бирену был искренне привязан. Впрочем, Бирен деньги Либману в России делать помогал, и потому на сей раз имя «Эрнест» и слово «богатство» были для банкира одним и тем же.

Они были друзьями давно, еще с Митавы, когда Бирен ни графом, ни обер-камергером не был. Тогда Либман часто ссужал его токмо под слово честное, ожидая, что когда-нибудь Бирен долги отдаст. И сие время пришло.

– А как иначе я могу узнать, что обо мне думают русские, Лейба? Подумай.

– Зачем это тебе, Эрнест? Какое тебе дело до того, что думают про тебя русские?

– Так и Анхен говорит мне.

– И её величество государыня права.

– Я не так давно в этой стране, Лейба. Хотя пять лет это много или мало? Наверное, не так мало.

– Но и не так много, Эрнест. Здесь кое-кто и двадцать лет живет. А то и более.

– И за этот срок я не снискал себе хорошей славы. Многие уже ненавидят меня. При дворе мне льстят. Русские аристократы руки мне целуют и наперебой восхваляют мою мудрость. Но это в глаза. А за глаза могут и ругать меня. Вчера, например, князь Трубецкой просидел в моей приемной пять часов. Пять! Так долго не ждут в приемной королей!

– Да зачем ты его держал столько?

– Не поверишь. Я просто забыл про него. И он ничем не выказал мне своего неудовольствия. А вот простые люди почему-то меня ненавидят. Я неделю назад в кабаке «У старого шхипера» услышал, как два негоцианта из русских говорили о налогах на соль.

– И что с того?

– Они винили во всем меня! Понимаешь, Лейба? Меня. Но я вообще не понимаю ничего в этих налогах. И солью никогда не занимался. Но для них виноват я! И я хочу понять, почему они винят именно меня? Что я им сделал?

– Ты не знаешь русских, Эрнест. Им всегда нужен виноватый. И они до тебя во всем винили князя Иоганна Долгорукого[3]. Он был приближенным и любимцем императора Петра. Но теперь ты на его месте и занимаешь его должность обер-камергера двора. А ты еще и немец к тому же. И ты желаешь от них любви?

– Не любви, Лейба, но хотя бы понимания.

– Эрнест. От русского дождешься ножа в бок, если будешь разгуливать без охраны.

– Да кто меня узнает? Я ведь одет как простой негоциант, каких в Петербурге сотни. Кто подумает, что граф Бирен сидит за столиком в портовой таверне и пьет дешевое пиво?

– В этом ты, пожалуй, прав, Эрнест. Русские не додумаются до этого. И я бы даже составил тебе компанию.

– А вот этого не нужно. У тебя ведь есть работа? Что там за бумаги?

---

[2] Обер-камергер – высокий придворный чин, введенный в России в 1727 году.

[3] Иван Алексеевич Долгорукий (1708-1739), фаворит императора Петра II.

– Касательные горного дела, Эрнест. Это может принести нам с тобой столько денег, что ты станешь самым богатым человеком Европы. Но сейчас я не могу тебе про этого говорить. Потом. Стоит подумать и все подсчитать.

Бирон накинул на плечи теплый плащ и одел шляпу без позументов и плюмажа.

– Я приду к утру, Лейба. Если желаешь то подожди меня.

– Непременно.

Бирен знал, как незаметно исчезнуть из дворца и пройти в город так, дабы никто из слуг его не узнал и не смог императрице доложить о том, где обер-камергер обретается. Анну волновали сии его выходы, и она не раз пеняла ему, что де не стоит так делать. Но он все равно поступал по-своему. Умел Эрнест Иоганн стать незаметным, когда сие нужно было…

***

Новый музыкант, итальянского оркестра придворного, скрипач Пьетро Мира, вынужден был выпрыгнуть в окно. Провести ночь с красавицей Марией Дорио он не смог, хотя хотел сего более всего на свете.

Слишком ревнив был её поклонник и покровитель сеньор Франческо Арайя. Он уже давно выказал свое нежелание делиться любовницей даже с земляком итальянцем и своим подчиненным. Арайя был капельмейстером итальянской капеллы, где и служил музыкантом сеньор Пьетро Мира.

– Мне неприятно бежать, Мария, – проговорил Пьетро, пристегивая шпагу к портупее.

– Пьетро! – горячо заговорила черноволосая красавица. – Это Россия. Ты не знаешь этой страны как я. Беги. Арайя будет не один, и сразиться честно со шпагой в руке тебе не удастся. Его лакеи с палками придут и отобьют тебе бока….

– Он итальянец, Мария!

– И что с того? Если он использует кулаки и палки русских!

Более Пьетро не заставил себя уговаривать, ибо получать удары палками был не намерен. Тем более что двери предательски задрожали от ударов. Он удачно приземлился в мягкий сугроб и уже хотел быстро перемахнуть кованную ограду дома, но сеньор ревнивый Франческо также не первый день жил в России.

Он оставил под окнами двух дюжих лакеев, коие, если любовник в окошко выпрыгнет, должны были его схватить.

– Вот он! – заорал один из них и кинулся к нему. – Петруха! Лови подлеца!

– Держи! Будет нам награда, Михеич! Прямо в руки сиганул молодец!

– Попался музыкантишко!

Лакей был здоровенным детиной гренадерского роста. Он схватил Миру за руку своими лапами, но не знал кто такой этот итальянский музыкантишко.

– Держу! Не балуй, а то пришибу! Это тебе не на скрипице пиликать.

Но Пьетро Мира в своей жизни не только пел и пиликал на скрипке. Он еще и отлично владел оружием – шпагой и кинжалом, он много раз дрался на улицах Милана и Турина. От того его руки стали крепкими, и он мог подковы гнуть.

Короткий удар в лицо свалил лакея на снег, и тот тут же выплюнул два зуба передних вместе с крови сгустком.

Мира в один прыжок достиг ограды и ловко перемахнул её. Второй лакей заголосил:

– Держи его! Караул!

– Сбег! Паскуда! – прошепелявил Михеич.

– Не убегёт! – Петруха бросился за ним. – За воротами поймаем!

Но задержать Пьетро уже было нельзя. Он подбежал к саням сеньора Арайя и ловко столкнул с козел кучера. Тот кувыркнулся в снег и едва успел откатиться в сторону. Кони тронулись с места, и раздался вопль итальянца, хозяина саней. Арайя кричал на родном языке, высунувшись из окна:

– Мира! Негодяй! Тебе не жить! Я все равно поймаю тебя! Никуда ты не денешься отсюда!

Но сани уже были далеко. У сеньора Арайя милостью императрицы и самодержицы всероссийской были отличные лошади….

***

Сеньор Франческо подскочил после этого к любовнице и грубо схватил её за руку.

– Шлюха! – заорал он.

– Не стоит так орать, – охладила она его и вырвалась. – И не стоит вам хватать меня столь грубо, сеньор! Вы сами знаете, что завтра мне петь перед императрицей. Лишние синяки мне ни к чему.

– Я хочу убить тебя! – прошипел он.

– Вы сегодня лишились отличного исполнителя роли Петрилло комедии «дель арте». Да и другие пьесы пострадают. Вы не можете потерять еще и меня, сеньор.

Арайя отступил. Она была права. Другой певицы у него не было. А божественный голос Дорио приносил ему немалые деньги и почести.

– Вот и хорошо, сеньор, что вы снова благоразумны!

– Неблагодарная тварь! Кто поднял тебя из грязи? Вспомни, чем ты была в Палермо? Шлюха мерзкая. Кто разглядел в тебе талант, и кто привез тебя сюда. Разве здесь хуже, чем в простом кабаке, где платили гроши? А здесь тебя осыпают золотом! У тебя есть бриллианты, каких нет у итальянских княгинь!

– Но разве я не расплатилась с вами за это, сеньор? – спросила Мария с вызовом. – Я расплачиваюсь своим телом уже не один год. И моим голосом, что наполняет ваши карманы золотом! И я всегда говорила вам, что не люблю вас.

– А его? – Арайя указал на открытое окно. – Его ты любишь?

– Он мне нравится. Высокий и сильный. Вы посмотрите на себя и на него. Разве нужно задавать этот вопрос? И он мужчина. Его хватает на целую ночь. Он страстен и …

– Замолчи! Заткни свою глотку, шлюха неблагодарная! Хорошо еще, что нас с тобой не понимают слуги!

– Как вам будет угодно, сеньор. А сейчас оставьте меня в покое. Раз вы испортили мне ночь, то хоть не докучайте сегодня своим присутствием.

– Я пока ничего не сделаю тебе. Но этому мерзавцу, я переломаю ноги. И не только ноги. Никуда он не денется. В Петербурге ему некуда податься. Денег у него почти нет, а свое жалование он должен получить у меня. Меня знают при дворе. Меня ценит императрица. А он – никто! Я сумею его раздавить. Я только шепну слово кому нужно – и Миры не станет!

Мария испугалась. Такого лица у Арайя она еще не видела. Он действительно сможет уничтожить Пьетро, а ей сего не хотелось. Не то чтобы она успела полюбить нового музыканта. Нет. Но ей было жалко этого парня. Он был так мил и так силен в постели. Такого любовника у Дорио не было давно.

– А в этом доме, сеньора, останутся трое моих лакеев. А то вдруг вы захотите помочь своему любовнику деньгами. До завтра! Жду вас утром в театре. Стоит отрепетировать еще раз мою пьесу! Нас станет слушать сама императрица….

***

А тем временем Пьетро Мира доехал до ближайшего поворота и бросил сани. Разъезжать по Петербургу на них было делом опасным. Он закутался в теплый плащ и отправился в портовую таверну «У старого шхипера». Это было единственное место, которое он знал хорошо. Да и хозяин тамошний сможет кое-что посоветовать.

В таверне вечером собиралось много народу разного. Мира вошел внутрь и удалился в самый дальний и темный угол. Хозяин заведения толстый немец Клаус Шпигель, уже более 15 лет живший в России, сразу узнал его и приветливо кивнул.

Мира сделал знак подойти. Шпигель, что-то сказал высокой девке с разносом, и приблизился к столу, где расположился итальянский музыкант:

– Ты чем-то взволнован, Петер? – спросил он по-немецки, зная, что Мира отлично говорит на этом языке.

– У меня беда, Клаус. Не везет мне и в России. Мне вообще не везет.

– Что так? – немец сел рядом с ним.

Пьетро быстро рассказал хозяину таверны про то, что с ним приключилось, и спросил его совета. Что делать?

– Да-а, – протянул Клаус. – В плохую историю ты вляпался, друг. Если твой Арайя силен при дворе, то тебе будет плохо. Может быть, повинишься? Простит?

– Ты что? Ты не знаешь этой свиньи. Унижаться не хочу. Лучше сбегу пока есть возможность.

– Легко сказать, Петер. Здесь сказочная страна для нас иностранцев. Но если не вписаться в неё, то тебя здесь ждут многие беды. Я не могу оказать тебе помощи. Сам понимаешь, если это сделаю, то твой Арайя и меня сживет со свету. Я скромный трактирщик. Связываться с теми, кто близок ко двору – опасно. Особенно в нынешнее царствование. Стоит, кому-то крикнуть «слово и дело» и от меня и воспоминания не останется.

– Я и не прошу помочь. Дай совет, Клаус.

– Я уже дал. Иди и проси у него простить тебя. Но ты отверг совет мой.

– Я пользовался его женщиной, и он такого не простит, Клаус. Он на многое закрывает глаза, но не на Марию. Это его наибольшая слабость.

– Скажи, что более к ней не прикоснешься.

– Она рассказала мне, какой он мужчина. В постели сеньор Арайя слабоват. И у женщин многих токмо смех вызывать может. И такого знания он мне не простит.

– Но ты нужен ему как скрипач, Петер. Ты и твоя скрипка. Сам слышал, как она божественно звучит. Словно мастер наполнил её голосами ангелов.

– Она уже в руках этого негодяя. Он наложит лапу на мои вещи. А что до голосов то ты прав, Клаус. Мастер этот, что изготовил скрипку, живет в Италии в городе Кремона. Его пока никто не знает, но узнают многие.

– И кто он?

– Франческо Страдивари.

– Страдивари? Это знаменитая фамилия! Уж не родственник ли он Антонио Страдивари из Кремоны?

– Сын знаменитого мастера. Его отец Антонио уже стар и ни на что не годен. Его слава в прошлом. А сын еще покажет себя. Я купил у него скрипку всего за четыре золотых!

Снова хлопнула дверь. И в таверну вошли два голландских моряка и еще один человек в плаще.

– Петер! – горячо зашептал немец. – Судьба ворожит тебе. Вот тот, кто тебе нужен.

– Где? Кто?– не понял Пьетро Мира.

– Да вон тот, что вошел вслед за голландцами. Знаешь кто это? Ты же бывал при дворе.

– Бывал. Играл для императрицы. Но этого человека не знаю.

– Ты что? Это же граф Бирен! Обер-камергер!

– Бирен? – он посмотрел на человека. – Этот?

– Он часто так наряжается, дабы никто не признал его. Но у меня глаз наметан. Правда он сам не желает, дабы его узнавали, и я делаю вид, что он простой посетитель. Никому никогда не говорил кто он. Сказал только тебе по дружбе.

– Можешь пригласить его за мой столик?

– Да. Но делай вид, что не знаешь кто он.

– Хорошо.

Клаус Шпигель подошел к Бирену и приветствовал его по-немецки:

– Добро пожаловать, сударь. Вы стали частым гостем в моем скромном заведении. Но вы так и не назвали мне своего имени?

– Зови меня просто Иоганном, почтенный хозяин. Мне нужно сесть так, чтобы не привлекать внимания к моей особе.

– Как всегда. Тогда прошу за мной, сударь. Вы не возражаете против общества одного итальянца?

– Нет. Отчего же. А кто он такой?

– Я не знаю. Говорят музыкант какой-то. Но не из знаменитых.

– Тогда все хорошо. Веди меня к своему итальянцу. …

***

Вскоре перед новыми знакомыми стояли три бутылки вина и блюда с жаренной рыбой и курицей.

– Выпьем за знакомство, – произнес Мира и поднял свой бокал.

– Охотно, – подержал тост Бирен.

«Неужели это любовник императрицы Анны? – думал про себя Мира. – Неужели это и есть Бирен? Быть не может. Слишком прост. Больше похож на купца по замашкам. Хотя высок, статен и красив не как купец».

– Ты давно прибыл в Россию, Петер? – спросил Бирон, подставив свой бокал на стол.

– Недавно. А ты, Иоганн?

– Я уже несколько лет живу в России. Сначала жил в Москве и вон недавно в Петербурге. Мы иностранцы переезжаем вместе с двором императрицы.

– И я служу при дворе. В итальянской капелле маэстро Арано! – признался Мира и посмотрел на реакцию нового знакомого. Тот и бровью не повел. Он занялся жаренной рыбой.

– Знаю такую капеллу, – произнес он прожевав. – Тебе везет. Говорят, они неплохо награждаемы от императрицы? Так?

Мира налил кубки снова. И они выпили.

– Награды достаются не всем, Иоганн. Мне вон, например, не везет. В Италии я на дуэли в Турине убил одного аристократа и был вынужден бежать во Францию, а затем в Германию. В Беремене мне посоветовали Россию. И я, прихватив свою скрипку, прибыл сюда. Меня сразу взяли в капеллу Арайя, но несчастья и здесь догнали меня.

– А что случилось?

– Я влюбился.

– Вот как? – Бирен засмеялся. – В княгиню или графиню?

– Если бы. Но я был очарован Марией Дорио!

– О! – вскричал Бирен. – Правда? О ней и я слышал. Такой голос. Императрица, говорят, без ума от певицы. И она тебе оказала во взаимности?

– Наоборот.

– Тогда в чем твое несчастье? Ты устроился при дворе и тебя любит красавица. Можно позавидовать.

– Но у этой красавицы опасный поклонник по имени Франческо Арайя. Он мой капельмейстер и хозяин. Меня взяли в итальянскую капеллу только благодаря ему.

– Он поймал тебя с ней? – понимающе улыбнулся Бирен.

– Да. И я едва ушел от его лакеев. И еще угнал его сани.

– Так ты ушел на его санях? – Бирен засмеялся. – Когда этот анекдот узнают при дворе – вот будет потеха.

– Для меня мало смешного!

– Это как посмотреть, Петер! Императрица любит посмеяться. А ты любитель шуток?

– Много страдал из них в жизни. Думал в России немного остепениться и прекратить шутить.

– И снова напрасно. Тебе сколько жалования положил твой капельмейстер?

– Много. Сто рублей в год.

– Сто рублей в год? Всего то?

– Разве это так мало?

– Не много. Тогда потеря места в капелле для тебя вообще не потеря. Что ты еще умеешь кроме игры на скрипке?

– Драться на шпагах и саблях. Также владею кинжалом и пистолетом.

– Тогда порази своими умениями фельдмаршала графа Миниха и он пожалует тебе чин поручика, а то и капитана.

– Нет, – замотал головой Мирра. – Военная служба не по мне. Да и жалование там не бог весть какое большое. А в капелле мне обещали сто рублей и плюс наградные. И я получил за один концерт щедротами государыни целых 10 рублей. В Турине мне бы и за полгода столько не заработать. А тут всего одно выступление.

–Тогда приходи ко мне завтра. И мы что-нибудь вместе придумаем для тебя, Петер.

– Но кто ты такой, Иоганн? Неужели придворный?

– Не хитри, Петер. Я видел рядом с тобой этого хитреца Клауса. Он хорошо знает кто я. Теперь я граф, но когда-то был простым конюхом. И потому лишен аристократического чванства. Вот тебе моя рука.

Пьетро крепко пожал сильную руку графа, и они снова наполнили бокалы….

***

Императрица Анна в тот час была в своей спальне и была она не одна. Рядом с ней был мужчина.

Анна была полноватой женщиной невысокого роста, со смуглым, веселым и приятным лицом, черными волосами и голубыми глазами. В телодвижениях она выказывала величественность, даже если была не на торжественном приеме. Вот и сейчас в пеньюаре она по прежнему была императрицей, но не простой любовницей и не подвластной мужчине женщиной.[4] Хотя рядом с ней был красавец.

Это был барон Карл фон Левенвольде, дворянин курляндский, недавно пожалованный императрицей в графы, еще один любовник императрицы, старый соперник Бирена.

– Анна, стоит ли тебе и далее держать при дворе Бирена? – спросил он. – Над ним смеются при дворах Европы. Достойно ли это такого великого двора как твой?

Императрица махнула рукой и откинулась на подушки. Снова Карлуша за свое. Не любит он Эрнеста. А за что?

– Ты не желаешь с ним расставаться?

– Он-то про тебя ничего дурного не говорит.

– А что ему сказать? Я рыцарь Курляндский и принадлежу к сословию благородному. А Бирен выскочка, чья мать сосновые шишки в лесу собирала. А отец его порот бывал на конюшне не единожды!

– Снова ты за старое. Умеешь вечер испортить. Эрнест камергер двора моего еще с Курляндии и все беды со мной пережил! Того я не забуду. И сын у меня от него! Забыл?

Карл помнил это хорошо. Уродливая горбунья Бенингна Бирен, жена обер-камергера, не была матерью маленького Карла Бирена, хотя ею считалась. Карл был рожден самой императрицей, в бытность её еще герцогиней Курляндской.

---

[4] Такое описание Анны Ивановны не выдумано мною как автором. Так императрицу в своих письмах описала леди Джейн Рондо супруга британского посла при дворе российском.

– Карла ты могла бы оставить при дворе и даровать ему титул. Я говорю не про него, а про Бирена. Пусть он, его горбунья-жена, и дети от неё Петр и Гедвига убираются. А то он занимает такой высокий пост при дворе не по чину не по праву крови благородной.

– Ты на его пост метишь, Карлуша?

– А почему нет? Этот пост мне подойдет больше. Я знатен и меня знают…

– Далась тебе эта знатность. Вон Меньшиков Алексашка также из конюхов вышел, но при дядюшке моем Петре I в фельдмаршалы и генерал-губернаторы вылез. Цесарь римский ему титул светлейшего князя даровал, и патент соответствующий выслал. А императрица Екатерина I его главой тайного совета империи сделала. А император Петр II его в генералиссимусы пожаловал.

– Но Меньшиков не Бирен! Как ты не понимаешь, Анхен!

– Карл! – голос Анны стал строгим. – Мне сей разговор неприятен! И прошу тебя прекратить его немедленно!

– Как будет угодно вашему императорскому величеству, – обиделся Левенвольде….

***

Через полчаса императрица и Левенвольде расстались. Настроение у императрицы испортилось, и она кликнула свою любимицу шутиху камчадалку Буженинову.

Буженинова была молода, но внешностью обладала крайне непрезентабельной. Она была весьма мала ростом с нескладной угловатой фигурой, и лицо имела приплюснутое с небольшим вздернутым носом и маленькими глазками.

– Чего звала среди ночи, матушка? – проворчала камчадалка, усаживаясь на сундук.

– Скушно мне, куколка, – произнесла императрица.

– Скушно! А чего скушно то? Эвон какой павлин из твоих покоев-то вылетел! И скушно. А меня с постели поднять не скушно?

– Не ворчи, куколка. Ты лучше расскажи мне, что за сплетни при дворе то ходят? Чай слыхала чего в людской?

Императрица страшно любила сплетни и дворцовые анекдоты. А лучше Буженинова такую информацию поставлять не мог никто.

– Дак итальяшка твой осрамился прилюдно.

– Кто? – не поняла императрица.

– Да фамилие евоное мне не запомнить. Тот, что спектаклю ставил на прошлой неделе, и ты его наградить изволила изрядно, матушка.

– Арайя? Мой капельмейстер итальянской капеллы? И что с ним стало? Как осрамился то? Не томи, куколка.

– Да, сегодня ночью у своей девки, что поет, он полюбовника застукал.

– Да ну? – оживилась императрица. К ней снова вернулось хорошее настроение. – Откуда знаешь? Ночь то не прошла еще. Не врешь?

– Чего мне врать? Я чай не министр твой, матушка, чтобы врать. Дашка Юшкова про то рассказала. Она вишь дом свой имеет на Мойке супротив дома итальяшки твого. Она-то сама все и видала. Своими глазами.

– Дак чего видала-то? – настаивала императрица. – Ты толком говори.

– Итальяшка в дом нагрянул, и в постели своей девки персону некую застал. Он лакеям наказал двери ломать, чтоб полюбовника бить нещадно.

– А тот?

– А тот в окно и в сугроб. Его было двое слуг, на улице оставленных, скрутили, но он не промах оказался, матушка. Одному в зубы, второму в бок и за ворота. А там сани итальяшки-капельмейстера стояли. Он кучера в снег, сам на козлы, и был таков!

– Ловок! Ловок шельма. А кто таков?

– Да тоже итальянец, что при твоем капельмейстере служит. Юшкова как все услыхала, то велела на ночь глядючи свои сани запрячь и во дворец. Сама понимаешь, охота ей про все всем самой поведать! Но я выпытала. И она язык свой распустила.

– А каков собой тот полюбовник?

– Высокий такой. Но толком не скажу. Сама Юшкова того не знает. Дурища толстомясая.

Императрица знала, что Буженинова терпеть не может Юшкову. И эти сплетницы часто ссорились, но, не смотря на сие, часто болтали и делились новостями. Не знала Анна только того, что за черная кошка между Бужениновой и Юшковой пробежала…

***

Было это еще на Москве позапрошлой зимой. Приплелась тогда юная камчадалка в столицу и от голода и холода выть хотела. Но никто бедолаге и кусочка не подал. Все гнали её за грязное рубище, вид отвратный, да вшей громадное количество, что жительство имели в её космах нечесаных.

И что делать бедной девице? Хоть садись на снег, да помирай. Но случай улыбнулся камчадалке без роду и племени. Проезжала мимо карета самой Дарьи Юшковой, что при особе императрицы состояла в должности лейб-стригуньи ноготков царских.

Позвала она тогда камчадалку к себе и спросила:

– Ты откель будешь, убогая?

И рассказала камчадалка богатой барыне о своих горестях. Та, выслушав, её сказала:

– Могу пособить тебе в жизни твоей нелегкой.

– Копеечку подашь? – не поверила камчадалка счастью своему.

– Может и поболее. Забирайся в карету ко мне. И поедем в дом мой. Там отогреешься и поешь вволю.

Юшкова знала, что любит царица Анна и карлов и уродов всяких. А тут такой экземпляр. Камчадалка и почти карлица. И уродка каковых поискать. И придумала как юную камчадалку царице представить.

Она на следующий день провела убогую во дворец в самые покои императрицы. И там камчадалка с блюда золотого узорного всю царскую буженину и сожрала.

Анна изумилась, увидев пустое блюдо, и строго спросила:

– Что это? Кто это посмел буженину с моего стола стащить? Али мало вам кухонь дворцовых?

Стали искать виновного, и шут Ванька Балакирев петухом закричал да на Юшкову показал:

– Она и сожрала буженину-то царскую! Вона все губы перемазаны!

Юшкова дала Балакиреву подзатыльник и произнесла:

– Да рази я могла и подумать про такое, матушка-государыня? Не слушай Балакирева подлизалу подлого. Всем известно, что дурак он.

Анна подошла ближе и увидела следы жира на руках и губах Юшковой. Знала леб-стригунья чем тогда рисковала. В гневе царица страшна бывала.

– Ты сожрала? По губам вижу что ты! И Балакирев прав! Вон все губы перемазаны.

– С царского блюда буженины не едала я, матушка. А что до буженины то ела и в том могу признаться. Но не в царском кабинете, а на кухнях.

– Ванька? – императрица посмотрела на шута Балакирева. – Набрехал на Юшкову, мерзавец? А ну сыщи мне вора!

И Балакирев, подговоренный Юшковой заранее, из темного угла неумытую камчадалку и вывел.

– Кто это? – недоумевала императрица. Но Юшкова сразу поняла, что гнев у царицы прошел.

– Тебя императрица вопрошает, кто такова? – спросил офицер гвардии майор Альбрехт. Он схватил камчадалку за руку.

Но императрица велела отпустить:

– Отойди от неё! Страж нерадивый жилища моего! Кто у тебя по покоям царицы шляется. Уйти в сторону. А ты не бойся его. Это ты мою буженину съела?

– Я. А не все тебе буженина-то! Куды сколько влазит? И другим можно попробовать буженинки-то

Анна не рассердилась на эту дерзость, но засмеялась.

– Иш смелая какая. Оставляю тебя при особе моей! Быть тебе от сего дня при штате моем лейб-подъедалой!

Все засмеялись царской шутке. И получила безвестная камчадалка с того времени имя Авдотья Ивановна и фамилию Буженинова! За остроумную выдумку обещала новая шутиха Юшковой половину с доходов своих при дворе. Ведь Балакиреву за то, что подыграл ей, заплатила Юшкова тысячу рублей.

Но Буженинова быстро в фавор вошла и Юшкову обогнала по службе и близости к особе царской. И стали придворные опасаться камчадалки. И тогда Буженинова платить Юшковой далее отказалась и облаяла её матерно. Так и пробежала помеж ними черная кошка….

***

– Надобно узнать, куколка, кто тот итальянец, что в окно сиганул, – произнесла императрица. Ты с самого утра сие вызнай. За то я тебя пожалую.

– Пожалуешь? – камчадалка подняла свое приплюснутое лицо. – Мужем?

– Мужем? Каким мужем? – не поняла императрица.

–Да это тебе, матушка, и без мужика вольготно. А мы люди маленькие. Мне бы мужичка доброго из твоих рук получить.

– Да кто пойдет за тебя? – засмеялась царица.

– Матушка. Дочку старшую Бирена твого один прынц сватал. А она горбатая от рождения. Неужто, я горбуньи хуже? Ты сыщи мне мужичка получше. А я за тебя до гробовой доски моей стану бога молить! Подумай про то, матушка.

– Хорошо, куколка, я подумаю….

***

Граф Бирен вернулся во дворец и застал в своих покоях банкира Либмана делами и счетами занимавшегося.

– Ты все сидишь над бумагами, Лейба? – спросил Бирен, сбрасывая с себя камзол. – А у меня было дивное приключение.

– Вот как? – равнодушно отозвался банкир. – А, по моему мнению, лучшие приключения есть на вот таких бумагах. Задумка, бумага, деньги в качестве прибыли. Вот так и составляются состояния. Хотя ты действуешь по-иному.

– Тебе не интересно послушать о том, что произошло?

–Ты снова услышал обвинения в свой адрес, Эрнест? Так это уже не ново.

– Нет, я познакомился с итальянским скрипачом.

– И что с того? Это совсем не сулит нам никакой новой выгоды. Ты знаешь, что пока ты знакомился со скрипачом, Левенвольде был у императрицы?

– Карл Левенвольде? Не знал, что он сегодня ожидался во дворце, – Бирен был неприятно поражен, хотя знал, что Анна иногда принимает его в своей спальне.

– Но по моим сведениям, он вышел от неё быстро и в дурном настроении.

– Вот как? – вскликнул Бирен. – Это не так и плохо. Они поссорились. Но как ты успел узнать?

– У меня есть деньги, Эрнест. И, значит, есть информация. Все можно купить у слуг за деньги. А я плачу щедро. Вот они и несут мне самые свежие новости. Кто-то же должен

заниматься этим за тебя лентяя такого. Но то, что Анна и Левенвольде поссорились, еще ни о чем не говорит. Этот барон опасен для тебя.

– Я знаю. Тем более что он уже граф, а не барон. И что мне с этим делать? Вызвать его на поединок?

– Не стоит. Этак, он проткнет тебя насквозь своей шпагой. Да и шуму будет много. Нам нужен свой человек в ближнем окружении царицы, в том окружении, что имеет на неё самое большое влияние.

– И где это окружение? Среди кабинет-министров? Так я стою выше их! – гордо заявил Бирен.

– Я говорю не о кабинете императрицы, Эрнест. Большую силу при нынешнем дворе взяли шуты. Где еще дают ордена за шутовство? Только у императрицы Анны.

Либман напомнил об орденском кресте Сан-Бендетто или кресте Святого Бенедикта, специальной награде учрежденной для награждения шутов при дворе русской императрицы. И этот крест весьма напоминал крест ордена Андрея Первозванного высшей награды России, учрежденной императором Петром Великим.

– И вот среди шутов стоит иметь своего человечка. Оба фон Левенвольде и Карл и брат его Рейнгольд такого имеют среди шутов. А ты, Эрнест? На шутов и внимания не обращаешь. И напрасно.

– И кто работает на Левенвольде?

– Король самоедский.

Бирен знал этого шута. Да и кто его не знал при дворе императрицы Анны. Это был знаменитый Ян Лакоста[5], придворный шут еще петровского времени. Его привезли в Россию из Гамбурга. По национальности Лакоста был португальским евреем и был человеком образованным и начитанным.

Его смешная и нескладная фигура определили его род занятий в России. Он стал шутом Петра Великого, который любил поговорить с начитанным шутом о писании священном, коего знатоком изрядным Лакоста являлся. И именно Петр I пожаловал Лакосте безлюдный остров в Финском заливе и шутовской титул короля самоедского.

– И это еще хорошо, что этот король самоедский пока немного значит в шутовской кувыр коллегии. Но он, как и я, еврей. И как многие евреи умен.

– Значит, нам не помешает свой человек среди шутов?

– Очень не помешает.

– Тогда ты зря не захотел слушать о моих похождениях нынче ночью, Лейба. Утром во дворец придет именно тот человек, о котором мы с тобой говорили.

– Кандидат в шуты?

– И еще какой кандидат!

***

Утром Пьетро Мира уже был во дворце в покоях графа Эрнеста Иоганна Бирена. Граф дал скрипачу платье приличное из своего гардероба и сказал:

– Слухи о твоих ночных проделах уже докатились до дворца. Над твоим капельмейстером смеются все. Он главный анекдот на сегодня.

– Уже? – искренне удивился Мира.

– Такова Россия. И императрица про то слышала и немало над тем посмеялась. Понимаешь про что я, Петер?

– Нет.

---

[5] Лакоста был человек умный и ловкий, хорошо образованный: он говорил на шести европейских языках и превосходно знал Библию. Смешная, нескладная фигура и умение всем понравиться позволили ему стать шутом при дворе, где он получил имя Пётр Дорофеевич. Известно, что он помогал Петру Первому, которого называл «кумом», резать боярам полы кафтанов и стричь бороды.

– Тебе удалось рассмешить императрицу. А это не так просто сделать.

– Это хорошо?

– Как повернуть, Петер. Как повернуть. Ты сказал, что в армии служить не желаешь?

– Не желаю, – подтвердил Мира. – Военная служба не по мне. Я бы хотел вернуться к карьере музыканта.

– Тогда новая служба перед тобой открывается.

– Я вернусь в капеллу?

– Не совсем. Но и музыка там будет.

– Какая же это служба?

– Слыхал про кувыр коллегию при дворе императрицы нашей веселой Анны?

– Нет. А что это такое?

–Это особая государственная коллегия при дворе. Там целый штат шутов и шутих. Самая веселая и необычная коллегия или министерство в Европе.

– Министерство шутов?

– Странно, да? Это Россия. Здесь много странного. Не желаешь ли и ты пополнить их число?

– Вы шутите, ваша светлость? Мне стать шутом?

– Отчего же шучу? Нет.

– Но я не шут. Я не смешон. Я не карлик и не уродец.

– При дворе Анны в шутах не только карлы и уроды. При дворе в шутах нынче и князья служат. И они и ростом и статью взяли.

– Простите, ваша светлость, – снова возразил Мира. – Но я много раз страдал от того, что шпагой свою честь защищал. И роль шута совсем не для меня.

– Время идеальное для вступления в должность, Петер. И жалование большое и подарки. Таких денег более нигде не заслужишь. Если конечно ты на мое место не метишь.

– И в мыслях того не было, ваша светлость. На ваше место при дворе не претендую. Но быть шутом…

– Эй, сеньор! – Бирен сталь серьезным. – А кем вы до этого были? Скрипач в капелле Арайя разве не шут? Или побои от своего капельмейстера сносить легче, чем от императрицы всероссийской?

– Но я не сносил поболев ни от кого. И Арайя не …

– До сего дня нет. Но что завтра будет? Думал про то? Я предлагаю тебе должность и возможность отлично заработать. Да что там я! Тебе сама судьба это предлагает. А Судьба не любит тех, кто отвергает её дары.

– И вам это нужно, ваша светлость? – Пьетро внимательно посмотрел на графа.

– Нужно. И мы с тобой вдвоем тогда вместе таких дел натворим. Соглашайся, Петер. Сама судьба свела нас. Нельзя нам расставаться.

Мира задумался.

«А чего мне ломаться? Мне уже больше 30 лет и я пока ничего в этой жизни кроме шишек и синяков не получил. И Бирен прав насчет того, что побои от Арайя были совсем рядом со мной. И если мне уехать из России, то куда я денусь? Куда поеду? Снова в Италию? В Турин, где меня ждет смертный приговор?»

– Если пожелаешь, то я дам тебе пас из России и 100 рублей. А если решишь остаться, то нас ждет много чего. И риск, и деньги, и слава, и Россия!

– Я готов! – согласился Пьетро Мира. – Но я буду не обычным шутом.

– Такой нам и нужен, Петер!

– Я вынужден согласиться, ваша светлость.

– Тогда прошу. Вот двери за которыми тебя ждет императрица.

Граф сделал знак рукой и лакеи в золоченных ливреях медленно отворили створки. Новая жизнь для итальянского скрипача началась….

Глава 2
Конъюнктуры двора ея императорского величества.

Год 1735, март, 21-го дня,
Санкт-Петербург. Либман и Пьетро Мира.
Дом банкира.

Обер-гофкомиссар её величества Лейба Либман вызвал к себе придворного шута Пьетро Миру и имел с ним серьезный и конфиденциальный разговор.

Вызвал он его тайно, дабы никто про то проведать не смог из партий враждующих. Привезли Миру в дом Либмана вечером в экипаже закрытом.

– Вы меня еще не знаете, герре Петер, – заговорил Либман по-немецки. – Но пришло время для нас познакомиться ближе. Ибо вы стали товарищем моему доброму другу Эрнесту Иоганну Бирену. Хотя я могу общаться вами и на вашем родном итальянском языке. Не угодно ли?

– Не стоит, я хорошо владею немецким.

– Вы, Петер, пришлись ко двору нашей государыни. А я знаю Анну еще по Митаве, когда она была только герцогиней Курляндии и Семигалии и о короне российской и не мечтала. И в России, получив корону, она не забыла старых друзей. И часто русские обвиняют в этом государыню. Не могу понять за что. Дядюшка Анны император Петр Великий выдал её в молодости замуж против её воли. Муж её умер в тот же год от пьянства. И жила она с тех пор в Митаве и друзей себе там завела. И понятно, что вместе с друзьями и приехала Россией править. А как же иначе? Ежели в России у неё друзей не было. Да и престол Анне предложили не просто так, а при условии подписания ею «кондиций», по которым господа некие власть монархическую ограничить пожелали. Они лишили императрицу права учинать войны и заключать мир, распоряжаться финансами империи, вводить новые налоги, жаловать чины выше полковника и прочее. Но ничего у них не вышло.

–Я уже слышал про это. Императрица, опираясь на гвардию, те «кондиции» разорвала и провозгласила себя самодержавной государыней.

–Оно так. В России без этого нельзя. Это вам не Италия, где в Венеции республика имеется. Но можно ли сравнить размеры России и Венеции? Только самодержавие пригодно для управления такой страной как Россия. Но власть самодержавная одну особенность имеет. Около престола монарха может любимец появиться. Он фаворитом прозывается, или фавориткой. И через близость свою к особе царственной может на политику государственную влиять.

–Про то мне известно! Граф Бирен и есть такая особа. И в Европе это известно. При дворе версальском фавориты не единожды многие дела решали.

–Это так. Но вы знаете, что если вы друг Бирену, то у вас здесь будет немало врагов?

–Уже успел это узнать. Вчера камергер Бестужев-Рюмин хотел побить меня палкой и назвал «холуем безродным», и еще …, – Мира не смог вспомнить русские слова, высказанные камергером.

–И еще он назвал вас «псом курляндским», хоть вы вовсе и не курляндец, – договорил за него Лейба. – Я знаю про это происшествие, Петер. И знаю, что вы побить себя не дали. И камергер пока отступил. Но это пока. Молодой Бестужев-Рюмин мстителен.

–Я схватился, было за шпагу, но Бестужев-Рюмин сказал, что клинка своего дворянского марать о колотушку шутовскую не намерен. Тогда я высказался по правде, герре Либман.

– А что вы сказали? – заинтересовался банкир. – Про это мне не доложили. Не досмотрели соглядатаи. А ведь я советовал им быть внимательными и ничего не упускать.

– Тесть Бестужева-Рюмина, отец его жены, князь Никита Волконский, также при дворе в шутах служит. И я сказал, что «отец вашей жены шут похлеще моего и честь его дворянская давно и без моей колотушки замарана!».

– Молодец! Ловко отбрил, этого павлина надутого. Но теперь у вас есть не просто враг, а страшный враг. Берегись его. Бестужев-Рюмин хитер. И, как я уже сказал, мстителен.

– Но графа Бирена, моего покровителя, он боится.

– До времени. Вот отчего я желаю вас познакомить с коньюктурами придворными, Петер. Сам Бирен этого не сделает, ибо весьма простодушен. Эрнест не понимает много. Он не жесток, а здесь жестоким быть следует. Вы уже поняли, кто интригует против Бирена?

– Не совсем. Но слышал о бароне фон Левенвольде.

– Барон Карл Густав фон Левенвольде прибыл с нами в Россию из Митавы. Недавно его в графы пожаловала государыня. Он также курляндец и также претендует на сердце государыни. И мечтает вытеснить оттуда нашего друга Эрнеста и вышвырнуть его из Петербурга. Но сам по себе Карл Густав нам мало опасен.

–Но вы сказали…

–Сам Карл Густав и его брат обер-гофмаршал Рейнгольд фон Левенвольде люди посредственные. Да можно сказать больше – глупые они люди. Но за Левенвольде стоят влиятельные круги при дворе. За ним стоит сам Остерман, вице-канцлер империи Российской, который и делает сейчас всю политику внешнюю и внутреннюю. Он фактически и правит Россией. Он берет взятки от двора венского и политику империи в угоду их интересам поворачивает. Остерману Бирен не нужен. Они соперники. Вот он и держит руку фон Левенвольде. Враг нашему Бирену и фельдмаршал Миних, еще один немец при дворе.

– Миних? А что они с Биреном не поделили?

– Миних честолюбец. И честолюбец каких мало. А я знавал всяких честолюбцев на своем веку. Он желает преклонения перед своей личностью и своим военным гением. Но фельдмаршал пока не так опасен как Остерман и Левенвольде. Миних скоро уедет на войну, когда Россия сцепиться с Турцией и Крымом, и, надеюсь, обломает там себе рога. Но в будущем они столкнуться. Наш Эрнест и Христофор Бурхард Миних. И многие русские враги нашему Бирену.

–Трудно мне во всем этом разобраться. Я ведь не политик.

–Как не политик? Вы меня не поняли, Петер.

–Но я в кувыр коллегии состою. Не в коллегии дел иностранных, не в военной коллегии.

–Шуты придворные большое касательство до «политик» российский имеют. Именно шуты иногда и делают сей «высокий политик». Братья Левенвольде обхаживают Юшкову. Баба она тупая и вздорная, но на государыню громадное влияние имеет.

–Это та, что ногти государыне стрижет? – Пьетро наблюдал эту сцену постоянно во время утренних приемов в спальне у государыни.

–Именно. Они её лейб-стригунья прозвали. Но звезда Буженинова взошла еще выше, чем звезда Юшковой. Правда Буженинова ни на кого не работает. Слишком независима и строптива. Мечтает про одно – выйти замуж. А иные шуты на придворные группировки работают. Лакоста, например, король самоедский, с которым вы едва на дуэли не сразились, на кабинет-министра князя Алексея Черкасского работает и на братьев Лвенвольде. В зависимости от того, кто заплатит больше. Балакирев Иван золотом от Левенвольде и от Остермана иногда не гнушается. А иногда и от меня берет. А вы говорите, Петер, что к политике касательства не имеете. Имеете и еще какое. Ибо шутки ваши государыне по сердцу. И завтра может статься, что вы станете «политик» определять!

Мира поклонился.

–А историю московского нищего Тимофея Архипыча слыхали?

–Нет.

–Он в Москве проживал и в юродивых числился. Есть у русских такая категория почитаемых нищих. Сей Архипыч у них громадное влияние на «политик» имел. Предсказателем себя мнил. Вроде бы волю господа вещал. Но ту волю ему в старобоярских домах Москвы диктовали. А он отговаривал царицу в Петербург переезжать из Москвы.

–Про такое я также не слышал.

–Он уже умер. И это я к слову про него вспомнил. И вы, Петер, большую пользу вашему другу Бирену принести можете.

–Мое влияние при дворе пока ничтожно, герре Либман. И не думаю, что смогу многим помочь. Хотя готов всей душой. Эрнест действительно не только мой покровитель, но и мой друг. Он помог мне, и я помню добро. В жизни своей не так много я его видел.

–Влияние дело наживное. Вам только стоит чем-то отличиться. Кстати, какое у вас жалование?

–Сто рублей в год.

–А не хотите получать больше?

–Кто не хочет больше. А сколько, например?

–Скажем 200 рублей и не в год…в месяц? – Либман хитро улыбнулся.

В то время сумма в 200 рублей была сказочной. И годовое жалование в 200 рублей было у чиновника довольно высокого ранга. Мира подумал, что Либман шутит.

–Я не оговорился. В ближайшее время, когда будете при дворе, в шутливой форме попросите такие деньги и вам их станут давать! Берите пример с Буженинoвой, Петер.

–Но как мне такое просить?

–С остроумием, друг мой. Вы же умный человек. Или дурнее камчадалки грязной?

–Нет.

–Вот и докажите это. Сие будет испытание для вас лично. А наш разговор мы еще продолжим.

***

Год 1735, март, 25-го дня, Санкт-Петербург.

При дворе. Утренний выход императрицы.

Пьетро много думал ночью о том, как сделать то, что советовал Либман. А ночевал он в спальне певицы Марии Дорио. Мария специально поссорилась с сеньором Франческо Арайя, дабы тот на ночь оставил её в покое.

Так они и ночевали рядом. Пьетро Мира в спальне Марии, а сеньор Арайя в комнате рядом. Дюжие же лакеи дежурили под окнами, дабы сеньор Пьетро в них не пролез.

Дорио и дала ему дельный совет в благодарность за ночь бурную и страстную.

Во время утреннего приема у императрицы Пьетро решил испытать судьбу. Просыпалась Анна обычно в 11 часов и в спальне, когда царицу одевали в халат и приносили ей кофе, начинался утренний прием, на котором присутствовали избранные придворные, шуты, карлы, карлицы, арапчата государыни.

Бирен стоял у самого кресла императрицы и что-то шептал ей на ухо.

Шуты Лакоста, Кульковский и Балакирев тузили друг друга, и вызывали тем смешки фрейлин государыни.

Фигуры для партии расставлены. И Пьетро Мира пошел в «атаку». Он приблизился к креслу государыни, хотя сие запрещено было. Никто вторгаться в разговор Бирена и Анны не имел права.

Он поклонился и едва не толкнул графа Бирена плечом.

– Позвольте, Ваше величество, обратиться к обер-камергеру вашему его светлости графу Бирену.

– Ты чего это с утра поганых грибков поел? – строго спросила императрица. – Как смеешь мой разговор с графом прерывать?

Придворные услышав «раскаты грома», затихли. Притихли и шуты.

– Если бы поел, Ваше величество, – продолжил Мира смело. – Но, увы, у меня нет и поганых грибков. Мне совершенно нечего есть.

– И чего же ты хочешь, наглец? – спросила Анна.

Мира снова низко поклонился:

–Прошу выделить мне на прокорм 200 рублей в месяц!

Снова поклон.

Услышав такое императрица опешила, но затем залилась громким смехом. Вслед за ней стали смеяться и придворные.

–А не много тебе будет 200 рублей в месяц? На такие деньги полк солдат можно прокормить.

–Но даже целая армия не сможет вас так насмешить государыня! И потому шут стоит этих денег!

–А не лопнешь от такого? – снова спросила императрица.

–Не лопну, государыня милостивая. Не лопнул же Балакирев от того перстня, что вы ему подарили неделю назад. Стоил он не менее 5 тысяч рублей. А Балакирев сказал, что пропил его в трактире и ни копейки более от того подарка у него нет. И не лопнул!

Бирен оценил шутку и сказал:

–Станешь получать от меня по 200 рублей ежемесячно сверх жалования тебе положенного и содержания твоего при дворе!

Всем было известно, что шуты государыни получали помимо жалования и столовые припасы мясом, рыбою, хлебом, солью, икрой и т.д.

***

Год 1735, март, 26 дня, Санкт-Петербург.

Дворец императрицы. Вопрос о питье.

Дом банкира Либмана.

На следующее утро ситуация повторилась. Пьетро Мира решил идти даже дальше чем ему советовал Лейба Либман.

Он снова приблизился к императрице и Бирену и снова попросил денег. Еще 200 рублей в месяц и не больше того.

– А ты разве не дал ему вчера денег, друг мой? – императрица посмотрела на Бирена с улыбкой. – Слово моего обер-камергера дорогого стоит.

– Он получил от моего поверенного Либмана ровно 200 рублей серебром! Мне то точно ведомо.

– Али мало тебе, плут? – Анна обратил свой взор к шуту.

–Но его сиятельство пожаловали мне 200 рублей, ибо мне нечего было есть, – высказался он.

– И что? – императрицу уже стал разбирать смех.

– Но теперь мне совершенно нечего пить, ваше величество.

Смех мог бы сокрушить стены дворца. И Пьетро Мира получил еще 200 рублей ежемесячно. Либман понял, что не ошибся в этом человеке. Он был умен, и с таким можно будет делать дела. Теперь у них с Биреном был свой человек в кувыр коллегии!

Банкир приблизился к Пьетро в темном коридоре дворцового перехода, чтобы никто не мог их увидеть.

– Сеньор, – тихо позвал он. – Вы, сеньор.

Мира оглянулся, и его рука легла на рукоять шпаги.

– Кто здесь? – спросил он.

– Уберите руку с эфеса. Я – друг.

– Либман? – Пьетро узнал того, кто стоял в темноте по голосу.

– Тише. Подойдите ко мне и никогда не произносите имен. Здесь могут везде быть уши.

– Запомню на будущее. Но сейчас вокруг нас нет никого.

–Думаю что это так. Вы отлично справились со своим заданием, Петер. И сейчас я дам поручение посложнее.

– Поручение?

– Вы же говорили, что Эрнест ваш друг?

– Да. И сейчас скажу тоже самое.

– При дворе нужно все тщательно взвешивать и предугадывать поступки своих врагов. Бирен этим не занимается, потому что этим занимаюсь я. И сейчас против него может возникнуть альянс опасный. Это нужно предотвратить. Готовы ли вы мне помочь?

– Если это в моих силах.

– Будь все иначе, я бы не предложил это вам, Петер. Слушайте внимательно. Рейнгольд фон Левенвольде, обер-шталмейстер двора, готовиться жениться на княжне Варваре Черкасской, дочери кабинет-министра князя Алексея Черкасского. Если это произойдет, то против Бирена возникнет альянс опасный. Ибо брат Рейнгольда Карл фон Левенфольде метит на место Бирена в спальне императрицы. Понимаете про что я?

– Понимаю, но что я могу сделать?

– Стоит расстроить этот брак. Не допустить его.

– Но я только шут. Как же я это сделаю?

– А только шуту это и под силу. Но действуйте не сами, а используйте иного шута. Например, Ивана Балакирева.

– Но он работает на Левенвольде.

– Иногда. Но вы плохо следите за шутовскими баталиями при дворе. Он нынче зол на Левенвольде. Тот с ним недавно дурно обошелся.

– Но мы с Балакиревым не в дружбе.

– Так подружитесь с ним. Сейчас самое время…..

***

Либман покинул дворец и отправился к себе домой. Там его ждал приезжий из Курляндии. Старый знакомый банкира с которым они часто обделывали разные прибыльные дела.

***

Либман был умным человеком. Еврею было трудно прожить без ума и хитрости, а у Лейбы их хватило бы на десять человек. Он был из тех, кто чувствует золото словно волшебник, и оно само тянулось к нему и оседало в его сундуках.

«Деньги сделали евреев сильными, но они и предмет нашей слабости, – размышлял он. – Мы евреи с древних времен знаем, как заработать и как накопить. И именно за это нас так ненавидят. А русские живут в такой богатой стране и не видят своего богатства. Ведь в той же Германии нет и одной десятой тех богатств, что есть в России. И если бы они смогли только осознать свою силу. Если бы они стряхнули со своих плеч своих продажных правителей – они бы стали самым сильным народом Европы. Самым сильным и богатым. Но, пока они пребывают во тьме. Здесь сочетаются уникальные богатства и уникальная же бедность. И то и это в Европе невиданны».

Либман прибыл в свой дом и в кабинете увидел того, кого ждал. Старый товарищ Георг фон Штемберг, чем-то похожий на самого Либмана, низкорослый и узкоплечий. Вся его сила была в его уме. С ним можно было делать дела.

– Георг!

– Лейба! Рад тебя видеть, друг!

– И я рад.

Друзья обнялись. Затем они уселись у камина в креслах.

– Страшная страна, Лейба. Здесь холодно даже в марте. А морозы в этой стране какие! Говорят можно себе нос отморозить. Хорошо хоть я приехал весной, а не зимой. Как тебе здесь понравилось, не могу понять.

– Морозы проходят, Георг. А это страна сказочных богатств. И ты мне нужен.

– Зачем? Твой Бирен не помогает тебе?

– Помогает. И я беру взятки вместо него. Сам Бирен денег не берет и ничего в денежных делах не понимает. Мараться не желает. Не понимает, что не возьмем мы, возьмут другие.

– И зачем я тебе, Лейба?

– Взятки это унизительно для меня, Георг. Да и что такое взятки, если я могу заработать здесь в сто раз больше! Я здесь немного разобрался в экономике России, и скажу тебе – какие деньги здесь можно зарабатывать, а не воровать. Я обер-гофкомиссар двора её императорского величества и многое могу понять.

– Но зачем тебе я? – настаивал на воем фон Штемберг.

– Ты знаток горного дела.

– И что с того?

– Берг-коллегия большие прибыли приносить может. Самому мне некогда вмешиваться в эти дела, но ты это сможешь.

– Что это значит, Лейба?

– Я добьюсь того, чтобы тебя назначат генерал-берг-директором всех казенных заводов России. И главная твоя цель – Урал! Горы каменные и богатства несметные! Там сейчас властвуют Демидовы, Турчаниновы и еще несколько смей. А отчего мы с тобой не можем зачерпнуть оттуда? Там хватит на всех, Георг.

– И какую сумму можно заработать? – спросил Штемберг.

– Там, на Урале, 18 казенных заводов! Понимаешь, Георг? И столько же частных. Это, как я тебе сказал, заводы Демидовых и Турчаниновых. И только Демидов дает около двух миллионов пудов чугуна в год!

– Сколько? – изумился Штемберг.

– Два миллионов пудов!

– А казенные заводы?

– Не дают и одной десятой. Но дело не в этом. Мне нужен толковый знаток горного дела. И деньги потекут в наш с тобой карман.

– Я могу возглавить дело, но не станут ли мне мешать?

– У нас есть Бирен! Он обеспечит для нас поддержку при дворе.

– Его доля?

– Бирен не интересуется деньгами. Потому какая там доля. С этого будем иметь только мы с тобой.

– И императрица согласится на это? Не могу поверить, Лейба!

– Императрице сейчас требуются деньги. Она готовиться воевать с турками. И тот, кто ей их даст, получит все что пожелает. И тогда мы с тобой займемся горными делами.

– И ты хочешь сказать, Лейба, что найдешь деньги для императрицы? – спросил Штемберг.

– Найду. Вернее уже нашел. Я ведь банкир и у меня связи по всей Европе.

– И они дадут русской царице в долг?

– Зачем в долг? Эти деньги нам отдадут безвозмездно.

– Что? Банкиры? Ты шутишь, Лейба?

– Я не люблю шутить, Георг, когда говорю о делах. Совсем недавно я сумел принести русской казне немалую экономию.

– Экономию?

– Я стал закупать свинец для военного ведомства по 1 рублю 10 копеек за пуд. Идет он из Европы, и на том я имею лично для себя около 40 тысяч рублей.

– Неплохой барыш, Лейба. Но что имеет с того русская казна? – спросил Штемберг.

– До того свинец шел из Неречинска из восточной Сибири. И обходился тот свинец казне государыни нашей по 3 рубли 60 копеек за пуд. И получается, что прибыль идет казне, моим поставщикам в Европе и лично мне.

–А кто страдает от этой твоей сделки, Лейба? – с улыбкой спросил Штемберг.

–Воры-чиновники, что руки свои на том свинце грели. И все они природные русские. И зашипят они, что от немцев де житья не стало русскому народу. Можно подумать что народ от их воровства богател.

–Так деньги на войну пойдут от сих сделок?

–Нет. Тех денег будет мало для войны, Георг. И я нашел еще один источник.

–И где он?

–Я узнал, что в Лондоне, хранятся денежки покойного светлейшего князя Александра Даниловича Меньшикова. Все что у него было в России, у него изъяли еще при императоре Петре II. А был Меньшиков генерал-губернатором Ингрии, Карелии и Эстляндии, губернатором Шлиссельбурга, губернатором Санкт-Петербурга, герцогом Ижорским, светлейшим князем, герцогом Ингерманландским, первым статс-министром и первым генерал-фельдмаршалом армии. Но делом его занимались крайне безалаберно. Тогда все средства князя прикарманил князь Алексей Долгорукий. Но его помощники много чего упустили. Если бы я вел дело, то докопался бы до всего. Тогда у Меньшикова изъяли собственности на 15 миллионов. Но я проштудировал его документы и могу сказать, что у светлейшего было не менее 25 миллионов, а то и поболее! Спрашивается где остальные? И я выяснил где – в Лондоне. Меньшиков опасался царя Петра I. Он боялся, что государь прознает про его воровство, и часть денег вывез из России тайно.

–И что с того, что они в Лондоне? Меньшиков то умер.

–Но его сын жив. И проживает он сейчас в ссылке в Березове. И наверняка, отец, рассказал сыну о том, как взять эти 10 миллионов в лондонском банке.

–И что с того?

–Я отдам эту информацию Бирону, он императрице, и они получал деньги Меньшикова. Вот и средства для войны с турками. А ты получишь пост генерал-берг-директора. И потому при твоей помощи и мы с тобой заработаем миллионы.

–Ты умнейший еврей в мире, Лейба! И я готов мириться с холодом этой страны….

***

Год 1735, май, 16 дня, Санкт-Петербург.

При дворе. Бирон и Шут.

Эрнест Иоганн Бирен вышел из покоев императрицы, держа под руку своего нового протеже Пьетро Миру которого при дворе по должности его шутовской стали называть Адамка, или Адам Иваныч.

На графе был великолепный парчовый камзол и голубой кафтан с золотыми позументами. На его туфлях блистали драгоценные камни на пряжках.

Одежда шута императрицы также была не менее роскошна. Красный кафтан с золотом, камзол с позументами, и только одно отличало его от придворного – полосатые чулки. Эта особенность мужского туалета показывала, какую должность при дворе исполняет её носитель.

–Императрица была тобой довольна! – проговорил Бирен. – А ты говорил, что должность не для тебя.

–Я представлял себе шутовскую службу иначе, Эрнест. В России даже шутовство не такое как везде.

–Я недаром просто так не давал тебе денег, Петер. Хотя мог бы. Но ты сам заработал сумму большую, чем платят русскому генералу! И все благодаря своим шуткам и своему уму. Недаром Лейба тебя так ценит. Либман же умнейший человек в Европе. Но по твоему виду я вижу, что ты желаешь что-то попросить?

– Не попросить, а спросить, Эрнест.

– Давай, спрашивай.

– А скажи мне, граф, не ты ли вчера, отобрал кнут у своего старшего сына в присутствии всего двора?

– Об этом уже говорят? – с удивлением спроси Бирен.

– Еще как. Но я так и не понял, что случилось. Я не был свидетелем этой сцены.

– Мой старший сын Петр рожден от моей жены Бенингны. Ты знаешь её?

Еще бы не знать. Все знали отвратительную и скандальную горбунью – жену графа. Но Мира скромно промолчал.

– Что? Не по нраву тебе, Петер, моя жена? – Бирен усмехнулся горько. – Мне самому она не по нраву. Но тогда в 1718 году, когда я стал камергером двора Анны герцогини Курляндии и Семигалии, мне срочно потребовалось жениться.

– Ты не знатного рода, Эрнест. И рыцари и бароны Курляндии потребовали…

– Да, да. Я вынужден был жениться на девице Бенингне Трота фон Тройден, из знатного рода. И мое место при дворе герцогини стало закреплено. Но девица эта – горбунья. И Анна взяла её к своему двору в качестве статс-дамы. Но теперь она не просто статс-дама, но первая статс-дама императрицы всероссийской. И одних бриллиантов на её платье на 2 миллиона французских экю. И мой первый сын, и моя дочь, также горбунья, от неё.

– Ты выполнял супружеские обязанности? – Мира был удивлен.

– Пришлось.

– Тогда ты не просто мужчина, ты Голиаф! Прости, что говорю так о твоей жене.

– Ничего.

– Твоя дочь также горбата, Эрнест? Прости, но ты сказал…

– Да. Она горбунья. Сын, же мой от Бенингны, нормальный внешне, но характер у него под стать характеру его мамаши. Вчера он стал лупить кнутом придворных по ногам. Барон Рейнгольд фон Левенвольде успел подпрыгнуть, молодой и верткий. А вот старый князь Волконский, тот который шут, не успел. Я увидел это, и мне стало жаль старика. Вот я и вырвал кнут у Петра.

– А при дворе говорят иное. Говорят, что это ты все устроил, дабы князя унизить.

– Вот так всегда. Сделаешь что-то хорошее, а они все переврут. Не я сделал старого Волконского шутом, Петер. Это воля самой императрицы. Анна пожелала так, и старик согласился.

– Он древнего рода? – спросил Пьетро.

– Очень древнего. Аристократ.

– Но почему тогда императрица пожелала его в шуты определить?

– Все из-за его жены. Жена Волконского в молодости была крайне на язык несдержанна. И до сих пор тем же страдает. Она постоянно издевалась над Анной, когда та еще молодой принцессой была. И вот Анна стала императрицей и все ей припомнила. Таковы эти русские. Они мстительны. И даже в нашей государыне это есть.

–Не могу понять одного. Как аристократ древнего рода мог стать шутом? При французском дворе король никогда не унизил бы так дворянского достоинства. Король мог бы казнить дворянина, но не унизить его. Ведь унижая дворянское достоинство, король, первый дворянин государства, унижает и самого себя.

– Это так, Петер. Так для Франции, для Испании, для Австрии. Но не для России. Дворяне здесь именуют себя холопами в обращении к царям. Генерал-прокурор империи граф Павел Иванович Ягужинский, в обращении к Анне говорил «холопь твой Пашка». А «холопь»

это раб! Вот и подумай, Петер. Дворяне Франции себя рабами не называют. Даже рабами короля. Они слуги короля, но не рабы.

– Но как объяснить такое?

– Не могу тебе сказать. Спроси у Лейбы Либмана. Придешь сегодня ко мне? Там будет и он.

– Сегодня не могу, Эрнест. У меня визит к Ивану Балакиреву запланирован. Немного поупражняюсь в русском языке. Да и обговорить многое стоит с ним.

– Балакирев отлично говорит и по-немецки. А ночью ты снова у Марии Дорио?

– Да. Она пожелала меня сегодня удивить.

– Смотри, как бы Франческо Арайя тебя не удивил. Палочными ударами своих лакеев.

– Это мы еще посмотрим.

– Найди себе русскую девушку, Петер.

– Нет. Пока Дорио ко мне благосклонна я её раб, Эрнест…

***

Год 1735, май, 16 дня, Санкт-Петербург.
Дом Ивана Балакирева.

Шут Иван Балакирев жил в Петербурге на широкую ногу. Дом его за Литейным двором был роскошен и хорошо известен. И был он роду знатного и даже знаменитого. Фамилия Бала-Кире в Рязани была известна еще с XV века. В XVII веке стали они именоваться Балакиревыми на русский манер. При царе Алексее Михайловиче, отце Петра Великого, один из рода Балакиревых числился стольником царским.

Сам Иван Алексеевич Балакирев службу начал в 1715 году и определен был в полк Преображенский. Но склонности к службе воинской не имел и потому в 1719 году его перевели в ездовые при жене Петра Екатерине Алексеевне.

И попал Ванька Балакирев в самую круговерть интриги любовной между императрицей Екатериной и молодым Виллимом Монсом, камергером двора императрицы. Он часто ввозил письма любовников и был свидетелем их свиданий.

И все складывалось для Балакирева хорошо, но он, однажды по пьяному делу, наболтал в трактире лишнего. И послухи[6] настрочили на него донос самому императору Петру Алексеевичу. Было сие в лето 1724-е.

Петр был взбешен изменой жены и приказал Балакирева арестовать. Дело было поручено молодому капитану Андрею Ушакову, и тот под пыткой вырвал у Балакирева признание.

Все дела Виллима Монса вскрылись. И он был казнен. А самого Ивана Балакирева приговорили к битью батогами и к ссылке в Рогервик на три года.

Но Петр Великий вскоре умер, и на престол взошла Екатерина I. Балакирева вернули из ссылки ко двору новой императрицы.

Но самый восход его карьеры пришелся на царствование Анны Ивановны….

***

Вот к этому человеку и отправился Пьетро Мира тем вечером. Шут принял его и усадил за роскошный стол, на котором было обилие вин и яств. Так в Италии и владетельные князья не каждый день едали.

Балакирев был высокого роста, как в России говорили, статей гвардейских, широкоплечий, могучий богатырь. В этом они с Мира были похожи. Они не были карлами или уродцами. Это были шуты особого рода.

– Садись и угощайся, Петро! Водку пьешь ли?

– Мошно, – по-русски произнес Мира.

---

[6] Послух – соглядатай.

– Можно, можно. А то вино какое питие? Государь Петр Великий токмо водку жаловал. И говори по-немецки.

– Но мне нушен практик!

– Ничего, язык русский, хотя и сложен, но со временем освоишь его. Давай по первой.

Они выпили по чарке водки.

– Видал тебя в деле, молодец. Видал. Далеко пойдешь при нашем дворе. Это я, Балакирев, говорю тебе. А я знаю, что говорю.

– У вас у русских странные обычаи, так не похожие на наши. И мне трудно вас понять, – по-немецки ответил Мира.

–Да все ты понял, парень. Не прибедняйся. Вон как карьера твоя при дворе поперла. И покровителя ты себе хорошего подобрал. Граф Бирен большую силу при дворе императрицы имеет. Но многие его падения жаждут. Слишком многие.

Они снова выпили.

– А кто твой покровитель при дворе? – напрямик спросил Мира.

– Много знать хочешь. Не такой пьяный Ванька Балакирев чтобы с двух чарок проболтаться. Да и перепить меня тебе не под силу. Или думаешь, что я тебе все свои тайны выскажу вот так просто?

– Нет. Я знаю, что дело имею с умным человеком. Да и не выведать тайны я пришел. Мне нужен союзник при кувыр коллегии. И я выбрал тебя.

– Меня? – усмехнулся Балкирев. – И кто тебе сказал, что я стану таким союзником?

– Да ведь я одинок при дворе среди шутов и группировок придворных. А граф Бирен, хоть и могучий покровитель, но окружение шутовское мне знать надлежит.

– Ты уже понял, что такое кувыр коллегия при дворе нашем, Петер? – спросил Балакирев, снова разливая водку. – Поняли ли, какая сила в ней?

– Немного понял. Влияние на императрицу шуты большое имеют.

– Вот именно. При государе Петре Великом такого не было. Тот также шутовство любил, но не так как нынешняя государыня.

– А тебя, Иван, недавно палкой Рейнгольд Левенвольде побил. Так ли это?

– Побил. Меня многие бьют. На язык я не воздержан. Но Левенвольде я трепал и трепать своим языком буду. А спина моя крепкая и многое выдержит. Да и платил мне этот самый Рейнгольд чаще чем бил меня.

– Много ли чести языком его трепать? – усмехнулся Мира.

Они снова выпили. Балакирев понял, что этот новый шут пришел с чем-то конкретным.

– Неужели у тебя что-то иное на думке есть? Ты, я слыхал, кинжалом владеешь? И хорошо владеешь.

– Да. И не только кинжалом, но и шпагой. Однако, сейчас мы своими шутовскими методами станем действовать.

– Говори, что задумал.

– Рейнгольд Левенвольде, обер-шталмейтер двора её императорского величества, жениться надумал. Знаешь ли про то?

– А как не знать. Про это все при дворе знают. Варьку Черкасскую он себе приглядел. Знатная невеста. Одна у папаши своего кабинет-министра князя Черкасского одна. А он богатейший человек в России.

– И породнившись с Черкасским Левенвольде усилятся при дворе русском. А мне этого не нужно. Мне и графу Бирену. Понимаешь меня, Иван?

– А ты, шельма, умен! – вскричал Балакирев. – Умнее чем я думал. Карл Густав фон Левенвольде старший брат Рейнгольда царице близок и Бирена от её спальни отлучить желает. И Бирену тот брак не нужен.

– Не нужен. Верно. И нам свадьбу расстроить надобно. С тем и пришел к тебе.

– И как же ты желаешь свадьбу Рейнгольда и Варьки расстроить? Сама императрица в роли свахи выступила. Ведь до этого Черкасский дочку за князя Антиоха Кантемира прочил, того, что теперь послом России в Лондоне служит. Но императрица Черкасскому тогда молвила (сам слышал): «Придет к тебе, князь Алексей, наш обер-шталмейстер Ренгольд Левенвольде сегодня. И просьбу его я одобряю. Чуешь ли, князь?» Черкасский тогда кланяться стал и ответствовал: «Чую, матушка государыня. Все по воле твоей свершиться». И князь Антиошке Кантемиру отказал, и про обручение Варьки с Рейнгольдом объявлено было.

– Но они пока жених и невеста, но не муж и жена.

– И что с того? Коли императрица Анна за него хлопочет. Что может Рейнгольду помешать жениться на Варьке?

– Скандал, – произнес Мира. – Большой скандал при дворе.

– И как его устроить?

– А вот здесь нам с тобой подумать стоит. Как княжну Черкасскую с женихом её крепко поссорить.

– Давай выпьем еще. Водка она мозги прочищает. Может чего и придумаем.

Балакирев снова наполнил чарки….

***

Год 1735, май, 30-го дня, Санкт-Петербург.

Императрица и Бирен.

Эрнест Иоганн Бирен провел ночь в спальне императрицы Анны. И уже под утро решился предложить государыне свой план. Вернее план Либмана. Но начал он издалека.

– Анхен, Остерман уже придумал, где достать денег?

– Андрей Иваныч умный человек. Его мой дядюшка Петр Великий жаловал. А чего ты, друг мой, про деньги вспомнил? Или снова породистого жеребца для своей конюшни присмотрел?

– Для моей конюшни я сам купил бы лошадь, государыня. Я про деньги для нужд государственных тебя спросил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.